

III. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ В АТР И В МИРЕ: ИСТОРИЯ И XXI ВЕК

УДК 325.3

А. Б. Волынчук¹, В. Г. Шведов²

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

В статье рассматриваются геополитические аспекты формирования образа Дальнего Востока России, которые связаны с изучением процессов освоения новых территорий. В качестве своеобразного полигона исследования авторами рассматривается территория российского Приамурья. Работа базируется на широком фактологическом материале и охватывает значительный временной период – начиная с проникновения русских землепроходцев на берега Амура.

---

¹© Андрей Борисович Волынчук, Доцент кафедры Мировой экономики и экономической теории Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, 690014, Россия, E-mail: i-abv@yandex.ru.

²© Вячеслав Геннадьевич Шведов, Профессор кафедры географии Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии, ул. Широкая, 70-А, г. Биробиджан, ЕАО, 679014, Россия, E-mail: i-svg@yandex.ru.

III. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ В АТР И В МИРЕ: ИСТОРИЯ И 21 ВЕК

Ключевые слова: геополитическое исследование, ретроспективный анализ, геополитическое освоение территории, политико-территориальные процессы, хозяйственное освоение, Приамурье.

Любой территории в человеческом сознании присущ определённый геополитический образ, под которым следует понимать структурированные представления о географическом пространстве, включающие наиболее устойчивые символы и характеристики регионов и стран, определяющие их с политической точки зрения¹. Его чёткость и многосторонность, в большинстве случаев, зависят от личного опыта, общего уровня знаний и особенностей мировосприятия конкретной личности. В свою очередь, существующий между людьми информационный обмен служит основой для слияния этих индивидуальных картин и формирования их обобщённого «отпечатка» в массовом сознании.

Следуя высказыванию Н.Н. Колосовского, «в данной сфере отношений многое зависит от конкретных условий места и времени»². Трактую его в самом широком смысле, можно заметить – от упомянутой конкретики зачастую зависят такие важные моменты меж- и внутрисоциумных отношений, как стремление к аннексии чужой территории с позитивным образом, либо, напротив, пассивность в отстаивании какой-то части собственных, но имеющих негативный имидж, земель.

Данная мотивация, безусловно, не возводится в абсолют. Будучи не простым явлением, она находится в сложных отношениях с рядом иных побудительных причин общественной жизни, которые проистекают из сфер экономики, политики, официальной идеологии. Но при этом нельзя не заметить, что значение образа региона, в современной отечественной науке зачастую игнорируется. А ведь именно его анализ позволяет объяснить особенности территориально-политического поведения отдельных локальных социумов.

Так, Россия в своё время с лёгкостью рассталась с богатейшей, но имевшей репутацию «мешка со льдом», Аляской. Однако она всегда остро реагировала на любые иностранные поползновения в адрес не менее суровой Сибири. Последняя имеет в массовом сознании россиян положительный, овеянный эпической романтикой, образ. Его элементы широко известны и являются предметом национальной гордости.

---

¹ Замятин, Д. Н. Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов / Д. Н. Замятин – М.: Алетейя, 2003. – 336 с.

² Колосовский, Н. Н. Теория экономического районирования / Н. Н. Колосовский. – М.: Мысль, 1969. – 336 с.

«Славное море, священный Байкал», «Енисей-батюшка», «сибирское здоровье», «богатырь-сибиряк».

Геополитический образ территории – инерционно-изменчивое многоплановое явление, в формирование которого на передний план периодически выдвигаются самые разнообразные, факторы. Это обстоятельство предоставляет исследователю две возможности. С одной стороны, он может определить, как и почему в формировании образа той или иной территории менялась значимость различных факторов. С другой – не меньший интерес представляет анализ воздействия, которое оказывал на разных этапах формирования соответствующей «картины» определённый фактор. Последнее направление, по мнению авторов, более рационально, поскольку с наибольшей чёткостью предоставляет следующие возможности:

- выявить особенность динамики влияния конкретно взятых факторов на формирование образа той или иной территории;
- обоснованно свести полученные компоненты в единый сбалансированный, в наибольшей степени отвечающий существующим реалиям и поясняющий их, комплекс.

В данной статье предлагается рассмотреть начальный этап формирования геополитического образа Дальнего Востока, и определивших его основных факторов. Такой выбор объясним тем, что для России актуальность удержания этого региона в своём составе всегда была и остаётся достаточно острой, что, несомненно, преломляется через геополитическую проблематику. В данном случае географические рамки Дальнего Востока сужены до современных российских Приамурья и Приморья.

Образ Дальнего Востока претерпел в массовом сознании россиян несколько крупных изменений. И вполне логично рассмотреть его начальный этап, который складывался в XVII в. на основе нескольких ярко выраженных мотивов.

Мотив первый – земля свободы и хлеба. Причины, побудившие Россию начать в XVI в. движение за Урал, широко освещены в специальной литературе¹. Отметим лишь, что к середине XVII в. восточный фронт страны проходил по Селенге, Байкалу, верховьям Лены, Алданскому нагорью, хребтам Джугджур и Верхоянскому. Дальнейшее продвижение обозначилось в восточном и юго-восточном направлениях, что объяснялось поиском территорий богатых пушниной и способных стать базой обеспечения Сибири хлебом.

---

¹ Шведов, В. Г. Историческая политическая география Амурского района / В. Г. Шведов. – Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН, 2000. – 275 с.

III. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ В АТР И В МИРЕ: ИСТОРИЯ И 21 ВЕК

Последняя из этих проблем являлась для всего восточного фланга страны наиболее острой, так хлебные караваны достигали Якутска более чем за два года. Поэтому не удивительно, что, едва получив первые сведения о бассейне Амура, как о пригодной для земледелия территории (1638 г.), Россия сосредоточила свою зауральскую активность в амурском направлении.

В 1639-1654 гг. состоялась серия походов (В. Поярков, Е. Хабаров, О. Степанов). Их результатом стало занятие всего левобережья Амура, а так же части его правобережья от места слияния Шилки и Аргуни до устья Уссури. Не будет преувеличением заметить, что условия новой земли приятно удивили землепроходцев.

Долина Амура резко контрастировала с сибирскими землями, по крайней мере, в двух отношениях: хорошо выраженным тёплым сезоном с «плавным» осенним переходом к зиме, и наличием обширных пахотных земель Верхне- и Средне-Амурской равнин. Безусловно, Приамурье обладало своим набором природных негативов. В числе таковых можно назвать своеобразие местных гидрологического и дождевого режимов. Кроме того, зима здесь почти так же сурова, как в Сибири. Но эти осложняющие моменты не остановили двинувшийся сюда в XVII в. поток переселенцев.

Мощность переселенческого движения была вполне адекватна преодолеваемому им расстоянию в 5 тыс. км, а так же – техническим и социальным возможностям страны, оценочная численность населения которой составляла примерно 10 млн. человек¹. Но тогда возникает закономерный вопрос: чем эта, расположенная «на краю Света», территория привлекала колонистов?

Первая причина, в принципе, ясна – на берегах Амура можно было выращивать хлеб. Это позволяло решать важнейшую для России геополитическую задачу – закрепление за собой в Сибири. Достигнуть этого можно было только при условии создания в её пределах «критической массы» оседлого, способного к продовольственному самообеспечению, российского населения. Политическая элита страны прекрасно осознавала этот момент. Недаром в XVII в., Амур официально именовался не иначе как «Хлебная река». И это название чётко отражало тот образ региона, который, будучи сформированным «сверху», экстраполировался в массовое сознание населения страны. Вместе с тем, своя, хорошо мотивированная, позиция имела в этом отношении и у тех, кто непосредственно выходил к берегам Амура.

Главным персонажем первопроходчества в Сибири, а затем – в Приамурье, стало казачество. Оно обладало узаконенными правами на

---

¹ Мелихов, Г. В. Маньчжурия далёкая и близкая / Г. В. Мелихов. – М.: Наука, 1991. – 345.

свободное перемещение, а так же – легитимно владело оружием и навыками его применения, располагало необходимым опытом военной и походной жизни. Поэтому представители именно этого сословия находились на острие российской колонизации.

Вслед за казаком-первопроходцем шёл крестьянин. Этот тип колонистов не был многочисленным. В основном он формировался беглыми крепостными. В Европейской России крестьянин был задавлен налогами, поглощавшими не менее 2/3 плодов его труда. В свою очередь, свободные зауральские землепашцы платили лишь государеву и церковную десятины. До Урала беглый крепостной был уголовным преступником, а за Уралом он в одночасье обращался в Государева человека. Не требуется особо богатое воображение, чтобы представить себе, как притягательна была для крепостных мечта о личной свободе. Образ Земли свободы, лежащей где-то за Уральским хребтом, прочно укоренялся в сознании российских крестьян.

На берегах Амура этот образ соединился с другим, наиболее важным и сильным для русского крестьянства, фактором – «Земля хлеба». Пересечение этих двух компонентов создали картину благословенного края, где отсутствует угнетение, а упорный труд окупается богатыми плодами. В принципе, он был весьма близок к истинному положению вещей. Через два года после вступления Хабарова в Приамурье (1649 г.) русское земледельческое население образовало здесь более 1 тыс. хозяйств – рост достаточно внушительный. Спустя два десятилетия приамурские крестьяне стали основными поставщиками хлеба в Забайкалье и Якутию.

Земля свободы и хлеба – это один из самых притягательных образов территории, который мог бы сложиться в широких населенческих массах. Но, как скоро выяснилось, за эту землю надо было сражаться.

Мотив второй – малым числом против силы великой. Военно-политическая сторона освоения Россией Приамурья до сих пор не получила адекватной оценки. Этому способствовала и господствовавшая ранее установка на изображение присоединения восточных земель исключительно посредством «дружбы народов», и нежелание затрагивать «деликатные» ретроспективные моменты межгосударственных отношений. В результате, мы имеем размытую, бледную картину, являющуюся лишь искажённой тенью героики землепроходческой эпопеи.

Отношения землепроходцев с коренным населением традиционно были сложными. Служилое казачество не являлось ни орудием этнической «зачистки» новых земель, ни миссионерской организацией. Казачество представляло собой управляемую силу, обязанную в своих действиях руководствоваться правительственным документом –

III. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ В АТР И В МИРЕ: ИСТОРИЯ И 21 ВЕК

Инородческим укладом. Он защищал права принявших российское подданство племён. Такая позиция, диктовалась необходимостью увеличения на востоке страны числа её подданных, которые могли усилить приток пушнины в казну и сохраниться в качестве земледельцев. Но, при этом, аборигенное сопротивление предписывалось подавлять самым решительным образом.

В 1643 г., перевалив Становой хребет, в верховья Зеи, в племенные владения дауров вышел отряд под командованием В. Пояркова. Первое же встреченное им Даурское стойбище на реке Улемкан подверглось разграблению. Это имело роковые последствия. Поярковский отряд был окружён превосходящими силами племенных ополчений дауров и дючеров. С трудом выдержав тяжелую для него осаду, он начал весной 1643 г. спуск на судах по Зее-Амуру.

Полномасштабное военно-политическое и хозяйственное освоение территории, прилегающей к Амуру, началось с экспедиций Е. Хабарова (1649-1654 гг.), который утвердил в регионе власть Москвы, объявив Даурию частью России. В короткие сроки были возведены крепости, остроги, зимовья: Албазинский (1654 г.), Ачанский (1652 г.), Кумарский (1654 г.), Косогорский (1655 г.). Правительственным указом было образовано Албазинское воеводство. Оно стало центром освоения русскими Приамурья.

Политическая сторона данной акции вначале особых проблем не вызвала: Россия контактировала с аборигенными племенами, либо способными лишь к локальному сопротивлению, либо сразу приносившими оммаж. Но вскоре выяснилось, что русские форпосты на Амуре расположились всего в 375 км от исторического ядра формирования маньчжурской Империи Цин.

Россия оказалась для Империи Цин соперником неизвестным, и, как показали первые столкновения у Ачанского и Кумарского острогов (1652 и 1655 гг.), серьёзным¹. Поэтому время 1652-1681 гг. заполнило своеобразное состояние дипломатического противостояния, когда обе стороны пристально изучали друг друга. Цинское правительство объявило о принадлежности северного берега Амура и районов Забайкалья своей империи и выдвинуло необоснованные территориальные притязания на освоенные русскими земли, административно входившие в состав Русского государства.

В 1685 г. маньчжурские войска крупными силами осадили Албазинский острог, являвшийся в то время своеобразным освоенческим центром Приамурья. В крепости находилось около трёх сотен казаков,

---

¹ Алексеев, А. И. Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке / А. И. Алексеев. – М.: Наука, 1982. – 288 с.

против которых маньчжуры выставили армию в несколько тысяч воинов. Не имея возможности отстоять Албазин, казаки сдали острог. Но в этом же году, после ухода маньчжуров, Албазин снова был отстроен. В 1688 г. маньчжуры опять осадили острог, но взять его вторично не смогли.

Ведя нескончаемые войны на своих западных рубежах (войны со Швецией, Польшей, Турцией), Россия не смогла оперативно оказать необходимую помощь Приамурью. Цинская империя же проявила удивительную настойчивость в отторжении приамурских земель. Против горстки казаков и русских крестьян, маньчжуры выставили хорошо вооруженную (огнестрельное оружие, артиллерия), закалённую в военных походах многочисленную армию. Не имея достаточных сил к сопротивлению, в 1689 г. русские были вынуждены подписать Нерчинский договор. В результате договора, который очень условно разграничивал сферы влияния двух стран, Россия потеряла большую часть Приамурья. Крепости и фортификационные укрепления на берегах Амура были уничтожены.

В задачу данной публикации не входит анализ условий Нерчинского договора. Поэтому вернёмся к формированию первичного образа этой территории в российском обществе.

Вооружённые силы России в XVII в. редко блистали успехами на полях сражений. Но в это же время небольшие казачьи отряды раз за разом одерживали на берегах Амура победы над «тьмами» противника. Одна лишь Кумарская битва оказалась способна поразить воображение современников. С далёкой окраины до центра страны доходили сообщения о невероятных подвигах, равных в воображении широких масс деяниям былинных богатырей. Уже один этот факт придавал им эпическую окраску. Вплоть до конца XVIII в. в России имела широкое хождение народная баллада «Во Сибирской во украине, во Даурской стороне», рассказывавшей о ратных подвигах землепроходцев на берегах Амура.

Итак, первичное формирование образа Дальнего Востока шло в российском обществе под позитивным знаком, который по отдельным позициям оказывался даже более ярким, чем у других, традиционно притягательных регионов.

Кроме того, Приамурье обладало ещё одной волнующей воображение характеристикой: крайней удалённостью от исторического ядра страны. С одной стороны, это был, безусловно, серьёзный осложняющий фактор. Но романтика похода «за тридевять земель» всегда обладала неодолимым эмоциональным очарованием.

1689 г. подвёл черту под первичным этапом формирования образа Дальнего Востока. Регион был утерян. Нельзя сказать, что основной массив российского населения остро переживал эту утрату. Просто в его

III. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ В АТР И В МИРЕ: ИСТОРИЯ И 21 ВЕК

среду перестали поступать будоражащие воображение известия о далёком порубежье. Яркость образа всё более угасала, его сохранившиеся элементы обрастали заимствованиями из общей традиции устных сказаний. В результате, региональный образ терял свою индивидуальность и реальность восприятия.

XVII столетие было, всё же, веком уже вполне достаточного уровня развития географических, экономических, геополитических знаний и представлений. Это не позволяло российской политической элите забывать о понесённой страной территориальной потере и, в сочетании с осознанием ущемлённого государственного престижа, подспудно изыскивать пути к «отыгрыванию» ситуации.

В то же время, в России имелся регион, для которого последствия Нерчинского договора были неизмеримо более ощутимы во всех отношениях, чем, к примеру, для Поволжья. Речь идёт о Восточной Сибири. Её население принимало активное участие в освоении и обороне Приамурья, а после его потери осталось без стабильного хлебного снабжения и защитного территориального «пояса» на юго-восточном рубеже. В конце XVII в. в населенческих кругах Восточной Сибири широкое хождение получило настроение сожаления об утерянной «благодатной земле».

Обе эти тенденции оказались достаточно устойчивыми. Взаимно сочетаясь и трансформируясь, они постепенно вывели образ Дальнего Востока на новую ступень формирования, которая должна стать предметом отдельного анализа.

Библиография

- Алексеев, А. И. Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке / А. И. Алексеев. – М.: Наука, 1982. – 288 с.
- Замятин, Д. Н. Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов / Д. Н. Замятин – М.: Алетея, 2003. – 336 с. – ISBN 5-89329-573-0
- Колосовский, Н. Н. Теория экономического районирования / Н. Н. Колосовский. – М.: Мысль, 1969. – 336 с.
- Мелихов, Г. В. Маньчжурия далёкая и близкая / Г. В. Мелихов. – М.: Наука, 1991. – 345, [3] с. – ISBN 5-0201-7278-2
- Шведов, В. Г. Историческая политическая география Амурского района / В. Г. Шведов. – Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН, 2000. – 275 с. – ISBN 5-7442-0522-5